

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

KOINON ΔΩΡON

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ΚΟΙΝΟΝ ΔΩΡΟΝ

**Studies and Essays in Honour of Valerii P. Nikonorov
on the Occasion of His Sixtieth Birthday
presented by Friends and Colleagues**

Compiled and edited
by Alexander A. Sinitsyn and Maxim M. Kholod



St. Petersburg State University
Faculty of Philology
St. Petersburg
2014

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ΚΟΙΝΟΝ ΔΩΡΟΝ

**Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея
Валерия Павловича Никонорова
от друзей и коллег**

Составление и научная редакция
А. А. Синицына и М. М. Холода



Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(0)
К59

К59 KOINON ΔΩΡON: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Сост. и научн. ред. А. А. Сеницына и М. М. Холода. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 636 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1362-4

Настоящий сборник статей подготовлен как общий дар (древнегреч. κοινὸν δῶρον) друзей и коллег к шестидесятилетию юбилею петербургского историка древности и археолога В. П. Никонорова (20 октября 2013 г.). В него вошли статьи российских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории и культуры от античной эпохи до позднего Нового времени, в том числе вопросам изучения древнего военного дела — главного направления научных интересов юбиляра.

ББК 63.3(0)

KOINON ΔΩΡON: Studies and Essays in Honour of Valerii P. Nikonorov on the Occasion of His Sixtieth Birthday presented by Friends and Colleagues / Compiled and ed. by Alexander A. Sinitsyn and Maxim M. Kholod. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2014. — 636 p., ill

ISBN 978-5-8465-1362-4

The collected articles are a common gift (κοινὸν δῶρον in ancient Greek) prepared by friends and colleagues to solemnize the 60th anniversary of Valerii P. Nikonorov, the St. Petersburg historian of Antiquity and archaeologist (October 20, 2013). Contributed by Russian and foreign scholars, the articles deal with a broad range of problems of history and culture from the Antique epoch to Late Modern times, including those related to ancient warfare — the main field of scientific interests of the person whose jubilee is celebrated.

ISBN 978-5-8465-1362-4

© Коллектив авторов, 2014
© А. А. Сеницын, предисловие, 2014
© М. М. Холод, предисловие, 2014
© Филологический факультет СПбГУ, 2014
© С. В. Лебединский, оформление, 2014

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВОЕНАЧАЛЬНИКА В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Древнегреческие историки — современники, рассказывающие о деятельности персидских военачальников V–IV вв. до н. э., обычно применяют по отношению к ним общепринятый для греков термин *στρατηγός*¹, дифференцируя их от царских наместников — сатрапов². В древнегреческом языке этот термин, как известно, служил для обозначения как любого военачальника, имея вполне выраженное абстрактное значение, так и реальной должности военачальника в каком-либо полисе, и в таком случае, иногда даже требовал конкретизации и уточнения³. Более поздние авторы эллинистическо-римского времени могли использовать и другие греческие «военные» термины⁴, од-

¹ В труде Геродота — Гарпаг (I. 162; VI. 28), Отан (III. 141; 147; 149; V. 25–26; 123), Мегабаз (IV. 143–144; V. 14), Бубар (V. 21), Мегабат (V. 32), Артибий (V. 109; 112), Даврис, Гимей и Отан (V. 116), Даврис, Аморг и Сисимак (V. 121), Мардоний (VI. 43), Датис и Артаферн II (VI. 94–95; VII. 8), Мардоний, Тритантайм, Смердомен, Масист, Гергис и Мегабиз (VII. 83), Гидарн II (VII. 135; VIII. 113), Ахеменид (VII. 236), Ариабигн (VIII. 89), Мардонтий и Артакт (VIII. 130; ср.: IX. 107), Тигран (IX. 102). В труде Фукидида — Тиссаферн (VIII. 5. 4). У Ксенофонта — Тиссаферн (*Hell.* III. 2. 13), Тирибаз (*Hell.* IV. 8. 12), Кир Младший (*Anab.* I. 1. 2; 9. 7), Аброком, Тиссаферн, Гобрий, Арбак — ἄρχοντες καὶ στρατηγοὶ καὶ ἡγεμόνες τέτταρες (*Anab.* I. 7. 12). В «Персидской истории» Ктесия Книдского — Зопир (F. 13 § 26), Тиссаферн, Спифридат и Пармис (F. 15 § 53).

² Геродот, например, обозначает сатрапов термином ὑπαρχος: Σαρδίων ὑπαρχος — Оройт (III. 120), Артаферн I (V. 25; 73; 123; VI. 1; 30; 42); ἐν Δασκυλείῳ ὑπαρχος — Метробат (III. 126) и Эбар (VI. 33); τῆς Αἰγύπτου ὑπαρχος — Арианд (IV. 166); ὑπαρχος τῶν Βακτρίων — Масист (IX. 113). А вот более поздние авторы царских наместников обозначают уже σατράπης (см., напр.: Хен. *Hell.* III. 1. 3; *Oec.* IV. 11; *Anab.* I. 9. 7; Stesias F. 14 § 35, 41; F. 15 § 50, 55; F. 16 § 58), и хотя в ряде случаев присутствуют некоторые неясности в определении статуса конкретного сатрапа, но так или же иначе наблюдается разделение сатрапов и военачальников терминологически (ср.: Ps.-Arist. *De Mundo* 398a).

³ Такая «специализация» стратегов имела место, например, в Афинах с IV в. до н. э. Согласно Аристотелю (*Ath. Pol.* 61. 1), народ избирал 10 стратегов, в числе которых одного — ἐπὶ τοὺς ὀπλίτας, другого — ἐπὶ τὴν χώραν, двух — ἐπὶ τὸν Πετραία, еще одного — εἰς τὴν Μουλιχίαν, одного — εἰς τὴν Ἀκτὴν, и еще одного — ἐπὶ τὰς συμμορίας. Следы такого деления стратегов по сферам ответственности обнаруживаются и в афинских надписях эллинистического времени, в которых упоминаются στρατηγὸς ἐπὶ τοὺς ξένους (IG. II². 379), στρατηγὸς ἐπὶ τοὺς ὀπλίτας (IG. II². 649. 25; 1035 frg. a2, 6, 12; 1051 frg. a3, b2; 1059. 10; 1076 frg. a–h17; 1281. 3; 1300. 19), στρατηγὸς ἐπὶ τὸ ναυτικόν (IG. II². 682. 6), στρατηγὸς ἐπὶ τὴν παρασκευὴν (IG. II². 839. 28; 840. 12, 21, 36; 841. 14; 842. 1; 1019. 25), στρατηγὸς ἐπὶ τὰ ὄπλα (IG. II². 1013. 47; 1077. 12), στρατηγὸς ἐπὶ τὴν χώραν (IG. II². 1260. 23; 1287. 4; 1303, 20; 1304. 13, 21), στρατηγὸς ἐπὶ τὴν παραλίαν (IG. II². 1302. 6; 1310. 3) и т. д.

⁴ Также, например, и Диодор обозначает персидских военачальников чаще всего термином στρατηγός — Гарпаг (IX. 35. 1), Мегабиз (X. 19. 3), Датис (X. 27. 1), Мардоний (XI. 28. 1), Артабаз I (XI. 44. 4), Ферендат (XI. 61. 3), Ахеменид (XI. 74. 1), Артабаз I и Мегабиз (XI. 77. 4), Фарнабаз (XIII. 36. 5; 40. 6; XV. 29. 3), Струф (XIV. 99. 1), Оронтий и Тирибаз (XV. 2. 2; 8. 3; ср.: XV. 91. 1), Артабаз II (XV. 91. 2), Ментор Родосский (XVI. 52. 1; 52. 3 — αὐτοκράτωρ στρατηγός). Однако в ряде случаев историк употребляет термин ἡγεμόνων по отношению к персидским военачальникам — Тифравсту (XIV. 80. 7) и Росаку (XVI. 47. 2).

нако только один раз отмечается попытка передачи эллинским автором древнеперсидского термина, который можно, по всей вероятности, перевести как военачальник (речь идет о термине *kápaivos*⁵ у Ксенофонта — *Hell. I. 4. 3*).

Однако, при обращении собственно к древнеперсидским источникам, мы встречаемся с терминами военачальника, которые имели еще более абстрактное значение, чем в древнегреческом: во-первых, обозначающие любые типы лидерства, а не только военное, а, во-вторых, имеющие таким образом более широкую сферу применения. И в качестве универсального источника по данной теме предстает знаменитая Бехистунская надпись — единственная в своем роде, выполняющая роль исторического нарратива⁶.

В тексте этой надписи значительное внимание уделяется изложению военных событий, и, вследствие данного обстоятельства, мы вправе найти там применение соответствующей военной терминологии. В значении войска, как персидского, так и любого другого, в Бехистунской надписи неоднократно встречается слово **kâra* — то же самое слово обозначает и народ. Однако слово для обозначения военачальника в тексте надписи никоим образом не связано с этим определением. Это слово *mađišta*. Его первоначальное значение — прилагательное «величайший»⁷, и оно не имеет сугубо военного значения; однако в некоторых специфических случаях оно могло означать военного лидера, причем, это слово используется применительно как к командирам войска Дария I (DB. 25 E–G; 33 F–H; 41 B–E; 50 B–D; 71 J–K)⁸, так и к его противникам, которые возглавляли

⁵ Интерпретация термина *kápaivos* вызвала продолжительную дискуссию в историографии. И хотя большинство исследователей согласны, что сам этот термин у Ксенофонта является производным от древнеперсидского **kâra* — народ / войско, основные вопросы вызывает, во-первых, исходный древнеперсидский термин для *kápaivos* — **kârana* (*Haebler C. Kápaivos. Eine sprachwissenschaftliche Betrachtung zu Xen. Hell. I. 4. 3 // Serta Indogermanica. Festschrift für Gynter Neumann zum 60. Geburtstag / Hrsg. von J. Tischer. Innsbruck, 1982. S. 85; Treten D. Kápaivos = κύριον // Glotta. 1991. Bd. 69. P. 174*) или же **kâra-naya* (*Sekunda N. Achaemenid Military Terminology // AMI. 1988. Bd. 21. P. 74*), а, во-вторых, полномочия лица, который занимал эту военную должность (дискуссию см.: *Petit T. Étude d'une fonction militaire sous la dynastie perse achéménide (Kápaivos: Xenophon, Helléniques, I, 4, 3) // Les Études classiques. 1983. T. 51. P. 35–45; Keen A. Persian Karanoi and their Relationship to the Satrapal System // Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993. Vol. 1. P. 89–95*). Сам Ксенофонт объясняет *kápaivos* как *κύριος* — «повелитель» — термином, обозначающим в греческом языке носителя власти (LSJ. P. 1013, s. v. *κύριος*: «having power or authority over; lord, master»), а в двух других сообщениях (в «Анабасисе»: I. 1. 1; 9. 7) находит этому слову эквивалент в виде *στρατηγός*. Исходя из последнего, мы уже допускали возможность, что слово *στρατηγός* применительно к персидским военачальникам у греческих авторов представляло собой перевод древнеперсидского термина, передаваемого Ксенофонтом как *kápaivos* (Рунг Э. В. *Kápaivos*/Karana в военно-административной системе Ахеменидской империи // Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций / Тезисы докладов международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.). Казань, 2011. С. 18–19).

⁶ Из литературы о Бехистунской надписи как историческом источнике, особенно в сопоставлении со сведениями Геродота, см.: *Balcer J. M. Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography. Stuttgart, 1987*. Также не потеряло свою актуальность единственное специальное исследование в отечественной историографии, посвященное надписи: *Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963*.

⁷ О переводе этого слова: *Kent R. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1950. P. 201–202* — «greatest, equal to “crown prince”». Предполагается, что слово *mađišta* индоевропейского происхождения и в древнегреческом, например, его эквивалентом является слово *μέγιστος*, а также нашло отражение в имени Масист / Масистий — *Μασίστης / Μασίστιος* (Hdt. VII. 79; 82; 121; IX. 20; 107–108; 110–111; 113). В историографии встречается мнение, что *mađišta* (вторым после царя) в Ахеменидской империи могли называть царского наследника (*Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / Transl. by P. T. Daniels. Winona Lake, Indiana, 2002. P. 520, 524; Kuhrt A. The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Vol. 1. Oxford, 2007. P. 244*). Основанием для такого мнения служит выражение в одной надписи Ксеркса: «Другие сыновья Дария были, но таково было желание Ахурамазды, чтобы мой отец сделал меня величайшим после него» (*Dârayavahaqš puca aniyaici âhantâ / A. uramazdâ avavâ kâma âha; / Dârayava. uš haya manâ pitâ / pâsa tanûm / mâm mađišta akunaqš*) (XpF. 4 E). По моему мнению, использование в данном контексте термина *mađišta* также может быть вполне объяснимо, но это не исключает использование его и в других контекстах, религиозном или военном.

⁸ Здесь и далее ссылки на древнеперсидские надписи даются по новейшему изданию Р. Шмитта (*Schmitt R. Die alt-persischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung. Wiesbaden, 2009*).

армии мятежников в Персидской державе (DB. 23 E; 25 O; 38 E; 45 F; 47 C; 71 H, P). Приведем уместные примеры, относящиеся непосредственно к командирам царя.

Так, в § 25 царь Дарий I говорит: «Я послал туда войско / перса по имени Видарна, моего подданного, / я сделал его предводителем» (*pasâva adam kâram frâjšayam / Vadašna nâma Pârsa, mâna bandaka / avâmšam mašištam akunavam*). В § 33 персидский царь заявляет: «Я послал туда войско персов и мидян / мидянина по имени Тахмаспаду, моего подданного, / я сделал предводителем его» (*pasâva adam kâram Pârsam utâ Mâdam frâjšayam / Taxmaspâda nâma Pârsa, mâna bandaka / avâmšam mašištam akunavam*). В § 41 говорится от имени Дария: «Я послал персидское и мидийское войско, / которое было вместе со мной / перса по имени Ртавардия, моего подданного, / я сделал его предводителем» (*pasâva adam kâram Pârsam utâ Mâdam frâjšayam / haya upâ mâm âha / Rtavardiya nâma Pârsa, mâna bandaka / avâmšam mašištam akunavam*). Подобным образом, в § 50 мы читаем: «Я послал войско на Вавилон / перса по имени Виндафарна, моего подданного, / я сделал его предводителем» (*pasâva adam kâram frâjšayam Bâbirum / Vindašarnâ nâma Pârsa, mâna bandaka / avâmšam mašištam akunavam*). И, наконец, последний пример употребления слова *mašišta* в значении военачальника встречается в § 71: «Я послал войско / одного человека, перса по имени Гобрива, моего подданного, / я сделал его предводителем» (*pasâva adam kâram frâjšayam / I martiya Gaub(a)ruva nâma Pârsa, mâna bandaka / avâmšam mašištam akunavam*).

В эламской версии Бехистунской надписи в значении военачальника используется слово *ir-sa-ir-ra* (DB. I. 25)⁹, которое является близким эквивалентом *mašišta* по своему первоначальному значению (также переводится как «величайший»), однако обращение к строкам вавилонской версии этой надписи показывает, что в значении военачальника там используется соответствующий аккадский термин *raby* с довольно широким спектром значений (DB. I. 73; 79)¹⁰, одним из которых является обозначение военного командира¹¹; именно этот термин, особенно в сочетании *uqu raby* (DB. I. 82) (*uqu* — народ / войско — вавилонский эквивалент древнеперсидского слова **kâra-* в Бехистунской надписи) является аналогом $\sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\varsigma$, в частности, в вавилонских текстах постахеменидского периода¹². В арамейской же версии Бехистунской надписи (DB. I. 59) используется выражение *rb 'l[hy]l'* — «командир войска», которое дословно соответствует аккадскому *uqu raby*¹³.

Таким образом, в различных языковых версиях Бехистунской надписи мы встречаем, с одной стороны, древнеперсидский термин *mašišta*, вероятно, наиболее ранний, еще не имеющий исключительно военных коннотаций, а, с другой стороны, традиционные аккадские и арамейские военные термины, задолго до этого уже использовавшиеся для обозначения должности военного ко-

⁹ Издание эламской версии Бехистунской надписи: *Vallat F. Corpus des inscriptions royales en elamite achéménide*. Paris, 1977.

¹⁰ Согласно современному словарю ассирийского языка, слово *raby* может переводиться как «глава, предводитель, старейшина, важный, могущественный, великий, знатный» и т. п. (*Reiner E., Roth M. T. The Assyrian Dictionary*. Vol. 14. Chicago, 1999, s. v. *raby*).

¹¹ В ассирийской армии *raby* был частью обозначения должности военного командира (*Reade J. F. The Neo-Assyrian Court and Army: Evidence from the Sculptures // Iraq*. 1972. Vol. 34. P. 103; *Dalley S. Foreign Chariotry and Cavalry in the Armies of Tiglath-Piliser III and Sargon II // Iraq*. 1985. Vol. 47. P. 32; *Postgate J. N. The Assyrian Army in Zamuia // Iraq*. 2000. Vol. 62. P. 107).

¹² *Stolper M. W. Iranica in post-Achaemenid Babylonian Texts // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques*. Persika, 9 / Ed. par P. Briant, F. Joannis. Paris, 2006. P. 223–260.

¹³ *Greenfield J. C., Porten B. The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary*. London, 1982. P. 44–45; *Folmer M. L. The Aramaic Language in the Achaemenid Period. A Study in Linguistic Variation*. Leuven, 1995. P. 272, 319. Сочетание *rb 'l[hy]l'* — *rab 'laylâ*, обозначающее военного командира, часто встречается также на арамейских папирусах ахеменидского периода из Элефантины (*Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxford*, 1923. № 1. 3, 16. 7, 20. 4, 25. 24, 38. 3). Об этом см.: *Tuplin C. J. The Administration of the Achaemenid Empire // Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires / Ed. by I. Carradice*. Oxford, 1987. P. 124.

мандира в обществах древнего Ближнего Востока. В любом случае, древнеперсидский термин в Бехистунской надписи, как говорилось, в отличие, например, от аккадского и арамейского, еще не связан непосредственно с термином, обозначающим войско / народ, т. е. с **kâra*-. Между тем, появление термина, обозначающего военачальника, который был бы производным от **kâra*-, очевидно, можно отнести к более позднему времени, чем сама Бехистунская надпись (последняя четверть VI в. до н. э.), которая его просто не знала. В пользу этого можно привести ряд следующих аргументов.

Во-первых, стремление греческих авторов, начиная с Геродота, обозначать персидских военачальников термином *στρατηγός*, могло отражать как раз знакомство греков с подлинным персидским термином того времени, служащим для обозначения военного командира, который был уже связан с термином **kâra*-¹⁴. Во-вторых, употребление Ксенофонтом термина *κάρανος* применительно к Киру Младшему при изложении письма Дария II также может свидетельствовать в пользу знакомства историка с соответствующим древнеперсидским термином, также производным от **kâra*-. И, в-третьих, самый значимый аргумент связан с недавней публикацией арамейских документов ахеменидского периода (IV в. до н. э.) из Бактрии: один документ содержит ссылку на некоего персидского чиновника Виштаспу / Гистаспа, который является носителем титула *krny*¹⁵. Этот арамейский термин (по практически единодушному мнению исследователей) означает *kârân* или *kâren*, т. е. военачальник¹⁶. Такое обозначение продолжало использоваться в Иране и в эпоху эллинизма, о чем свидетельствует драхма Вабарза / Оборза — селевкидского наместника (*frataraka*), содержащая арамейскую легенду *krny*¹⁷. Тот же термин продолжал употребляться и в Парфии, как можно судить по монете Аршака I с легендой *krny*, которая заменяет встречавшуюся на других монетах легенду *αὐτοκράτορος*¹⁸. Таким образом, надпись из Бактрии является первым негреческим свидетельством в пользу употребления в ахеменидский период в значении военачальника термина, который происходил от **kâra*-.

Но в пользу идентификации бактрийца Виштаспы / Гистаспа есть и другие данные, которые поддерживают данную интерпретацию. Прежде всего, представители династии Ахеменидов — носители имени Виштаспы / Гистаспа в античной традиции ассоциируются именно с Бактрией: Гистасп II — сын Дария I (Hdt. VII. 64) и Гистасп III — сын Ксеркса (Ctesias F. 13 § 24; Diod. XI. 69. 2), занимали должности сатрапа Бактрии. Кроме того, историки, повествующие о походе Александра, также ссылаются на военачальника «бактрийца» Гистаспа (Arr. *Anab.* VII. 6. 5; Curt. VI. 2. 7)¹⁹, и не исключена возможность его идентификации с персом, названным в надписи из Бактрии.

¹⁴ Если следовать мнению Н. Секунды, древнеперсидский термин для обозначения военачальника мог быть композитом — происходить от сочетания существительного **kâra*- и глагола **nay*- «вести»; этот термин мог представлять собой сложносоставное слово **kâra-naya* (см.: Sekunda N. Achaemenid Military Terminology. P. 74). Собственно говоря, подобным образом и греческое слово *στρατηγός* является композитом, поскольку оно образовано от сочетания существительного *στράτος* и глагола *ἄγω*; последнее как раз и могло побудить античных авторов интерпретировать *κάρανος* именно как *στρατηγός*.

¹⁵ Naveh J., Shaked S. Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE). From the Khalili Collections. London, 2012. P. 190–191. Издатели восстанавливают слово *krny* как *Karanya* и далее полагают, что это было не названием должности, но обозначением семьи, т. е., по их мнению, Виштаспа был из семьи Карена (*Kâren*). Однако Дж. Хайленд предпринял попытку доказать, что слово *krny* обозначает именно должность Виштаспы — *каран* (пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Дж. Хайленду, который позволил мне ознакомиться с его статьей еще до ее публикации: Hyland J. Vishtaspa *krny*: An Achaemenid Military Official in 4th-century Bactria // Arta: Achaemenid Research on Texts and Archaeology. 2013. 002. P. 1–7 (<http://www.achemenet.com/document/2013.002-Hyland.pdf>).

¹⁶ Shaeygan M. R. Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia. Cambridge, 2011. P. 170–171. Note 533.

¹⁷ Shaeygan M. R. Arsacids and Sasanians. P. 170–171. Note 533.

¹⁸ О легенде *krny* на драхме Аршака I см.: Sellwood D. Parthian Coins // CHI. 1983. Vol. 3. P. 280.

¹⁹ См.: Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 1996. P. 142. Arr. *Anab.* VII. 6. 5: Ὑστάσπης ὁ Βάκτριος.

Итак, как представляется, изменение в терминологии персидского военного лидерства, скорее всего, происходит с кон. VI до сер. V в. до н. э., возможно относится к периоду правления Дария I и/или Ксеркса. Однако *mavišta*, а также и термин, производный от **kâra*- (достоверно мы, таким образом, знаем его арамейскую форму *krny* и можем предполагать древнеперсидскую — **kârana*- или же **kâra-naya*), обозначали военачальника во главе отдельной армии и были сопоставимы с греческим термином στρατηγός. При этом вопросы о существовании «специализации» среди персидских высших военачальников, а также обозначения командного состава среднего и низшего звена персидской армии остаются открытыми и требуют дополнительного исследования, которое выходит за рамки данной работы.

Eduard V. Rung

THE TERMS FOR ARMY COMMANDER IN THE ACHAEMENID EMPIRE

The paper examines a question of old-Persian definition for army commander in the Achaemenid Empire. The Greek authors in their works usually use the term στρατηγός as the title for the Persian military commander, but Xenophon is only who refers to κάρανος as old-Persian equivalent for στρατηγός.

Meanwhile the Behistun inscription allows us to find the old-Persian term *mavišta* (literally translated as 'greatest') for the person at the head of the Persian army in the end of the sixth century B. C. (along with some military terms in the Akkadian, Aramaic and Elamite versions of the Behistun text). It may be proposed the transition from use of *mavišta* to the term which was derivate from old-Persian **kâra*- may be dated to the period of Darius I and Xerxes. Last term later was transmitted by Xenophon as κάρανος and appears in a document from Bactria in the Aramaic form *krny*.